

050
K-78 22200.
no

820-86
293-1
Арх

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

XX 496
34

КРАСНЫЙ АРХИВ

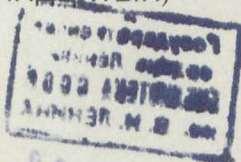
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

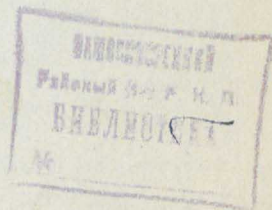
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ТРЕТИЙ (ШЕСТНАДЦАТЫЙ)

1926

1-1268
24

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

К истории восстания киргиз в 1916 г.

Среди уже известных материалов, освещающих события 1916 года в киргизской степи, публикуемые ниже документы, как отражающие, с одной стороны, правительственные, с другой — туземные настроения, должны занять далеко не последнее место ¹⁾. Как известно, непосредственным поводом к волнениям в этом году среди казак-киргизов и кара-киргизов, обусловленным, конечно, рядом весьма длительных и сложных причин, послужило «высочайшее повеление» 25 июня 1916 года о привлечении на тыловые работы «мужского инородческого населения империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно». Это распоряжение не могло, конечно, не вызвать с стороны массы туземного населения упорного сопротивления. Неизбежность этого чувствовали и некоторые высоко стоявшие административные лица, как, напр., наместник на Кавказе вел. кн. Николай Николаевич, который в июле 1916 года добивался отмены состоявшегося распоряжения для вверенного ему края, мотивируя теми соображениями, что «всякое мероприятие, касающееся мусульманского населения, до его осуществления требует ряда подготовительных мер, что, в свою очередь, требует известного времени» ²⁾. Но если признано было возможным согласиться с этими соображениями по отношению к Кавказской окраине, слишком уж близко лежавшей от театра военных действий, то в Туркестане и Киргизской степи, наоборот, шли к неизбежной и кровавой развязке. Ведь нельзя же было думать, что десятилетиями накапливавшееся недовольство туземного населения, в условиях напряженного состояния военного времени, не выльется, наконец, в открытое сопротивление и восстание. Но, очевидно, в расчете на верный выигрыш в затеянной игре, представлявшейся к тому же совсем неопасной на отдаленной окраине, последняя была начата. Уже на первых порах из-за чрезмерной торопливости в проведении опубликованного распоряжения встретились весьма существенные затруднения, большее всего отразившиеся на туземном населении и, естественно, усиливавшие и без того уже большое его раздражение против нового правительственного мероприятия. Второй пункт «высочайшего пове-

¹⁾ См. следующую литературу вопроса: З. Миндлин. Киргизы и революция. «Новый Восток» 1924, № 5; — Т. Рыскулов. Из истории борьбы за освобождение Востока (Восстание туземцев Туркестана против царизма в 1916 году). «Нов. Восток» 1924, № 6; — Г. И. Бройдо. Материалы к истории восстания киргиз в 1916 г. «Нов. Восток» 1924, № 6; — А. Миклашевский. Социальные движения 1916 г. в Туркестане. «Былое» 1924, № 27—28.

²⁾ Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). ГИЗ. Л.—М. 1925, стр. 37 и 138—140.

ления» 25 июня 1916 года требовал согласования деятельности двух ведомств — военного и внутр. дел — и установления подробных правил привлечения «иностранцев» к тыловым работам; между тем на практике это не было соблюдено, и министерство внутренних дел телеграфными распоряжениями от 27 и 28 июня, т.е. на следующий день после «высочайшего повеления», предложило подведомственным ему губернаторам в наискратчайший срок произвести мобилизацию первой очереди киргизов, в возрасте от 19 лет до 31 года включительно. На местах получилась полная неразбериха, о степени которой дает некоторое представление одно из ниже приводимых телеграфных донесений астраханского губернатора, который «за короткое время принужден был дважды объявлять призыв и дважды его отменять» ¹⁾).

На неподготовленность населения и излишнюю поспешность в проведении правительственного распоряжения, соединенную еще с злоупотреблениями властей, туземных и русских, указывают и другие два документа, печатаемые здесь же. Это — памятная записка о киргизах, предназначавшаяся, повидимому, для представления в Государственную Думу, и протокол частного совещания киргиз Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, состоявшегося 7 августа 1916 г. в г. Оренбурге. Эти два документа, вышедшие из рук либеральной казак-киргизской интеллигенции, которая группировалась с 1912 года вокруг первой киргизской газеты «Казак», интересны так же как источники, отражающие настроение этой последней.

Эти же два документа, относящиеся — один к началу августа, другой к половине сентября 1916 г., дают некоторый конкретный материал и для характеристики самого движения за первый период его развития. Даже пользуясь одними этими показаниями, можно почувствовать, что дело шло уже дальше простых трений и отдельных эксцессов. Ведь еще августовский протокол частного совещания киргиз отмечает появление в степи первых казачьих отрядов и расквартирование их — 75 казаков в Чингирлауской волости, 125 казаков в Аракарагайской волости и еще 125 казаков в Кинаральской и Миндыгаринской ²⁾. Появление их не было, конечно, случайным и говорило о серьезности положения в Тургайской области еще в начале августа 1916 г. Убийства волостных управителей и волостных писарей, отнятие посемейных списков и уничтожение их, недопущение управителей, аульных старшин и аксакалов к составлению списков лиц призывного возраста, столкновения с казачьими отрядами, сопровождавшими уездных начальников, доходившие иногда до кровопролития, отдельные случаи нападения на оседлые поселения — вот те формы, в которые выливалось движение казак-киргизов еще в этот первый период восстания.

Последний из печатаемых ниже документов — донесение военного губернатора Семиреченской области о беспорядках, происшедших в области в связи с набором рабочих, — переносит нас из северной части киргизской степи, которой касались

¹⁾ Копия телеграммы из Астрахани на имя упр. земским отделом от 26 июля 1916 г. Ср. также данные протокола частного совещания киргиз 7 авг. 1916 г. о сроках призыва в Актюбинском и Кустанайском уездах Тургайской обл.

²⁾ Отряды казаков вызваны были также в некоторые уезды Акмолинской области; — см. протокол частного совещания 7 авг. 1916 г.; и в Букеевскую орду — см. телеграмму губ. Соколовского от 25 июля 1916 г.

все выше рассмотренные материалы, в южную и в отличие от них дает почти полную картину восстания с его начала до 1 ноября 1916 года. Конечно, не приходится забывать, что здесь перед нами официальное, казенное освещение событий, но, сопоставляя его с имеющимся в нашем распоряжении показанием Г. И. Бройдо, данным им прокурору ташкентской судебной палаты 3 сентября 1916 года, мы можем корректировать одни сведения другими и, таким образом, восстановив первоначальную обстановку событий и общий их ход, без особой опаски воспользоваться остальными данными донесения для дорисовки неизвестных еще моментов восстания. Весьма ценным представляется этот документ и с той стороны, что на основании его можно точно установить и район распространения восстания и места наиболее ожесточенной борьбы.

Интересно его указание и на то, что администрация Семиречья, в сущности, предвидела возможность волнений инородцев при призыве их на тыловые работы, «просила (для этого) военной помощи из Ташкента еще в июле, а имеющиеся незначительные военные силы распределила планомерно по области в определенных центрах, откуда было удобно оказывать помощь при возникновении беспорядков».

Массовое широкое восстание, с собственными вождями и лозунгами, и большая часть либеральной интеллигенции, не сумевшей связаться с его основными требованиями и отстаивавшей перед ним только необходимость подчинения приказам правительства, — вот те два полюса национально-революционного движения 1916 г., которые еще раз выявляют перед нами печатаемые ниже документы.

А. Чулошников.

1 1).

Копия телеграммы из Астрахани управляющему земским отделом от 20 июля 1916 г.

Среди киргизов явилось несколько тревожное настроение по поводу предстоящего призыва в отряды рабочих на фронт. По произведенному расследованию, виновником смуты является киргиз Кулманов²⁾, окончивший университет, быв. член 2-й Госуд. Думы. Кулманов при посещении мною орды 8 июля, когда я объявил высочайшее повеление о призыве киргизов в отряды рабочих, явно обнаружил стремление выговорить совершенно не вызывающиеся потребностью льготы для киргизов, получив с моей стороны отказ и внушение. Ныне, по сведениям моим, Кулманов, собрав с киргизов большие деньги, отправился в Петроград с целью ходатайствовать об освобождении киргизов от призыва. Постановив сего числа о выселении Кулманова из пределов киргизской степи на время нахождения губернии на положении чрезвычайной охраны, сообщая о сем вашему превосходительству, присовокупляя, что, по сведениям, Кулманов возлагает надежду на успех своих ходатайств также и на мусульманскую фракцию Госуд. Думы. 644.

Губернатор Соколовский.

2.

Копия телеграммы из Астрахани управляющему земским отделом от 25 июля 1916 г.

В дополнение телеграммы от 20 июля, 644, уведомляю, что для исходатайствования отмены реквизиции киргизов из степи выехала в Петроград депутация в составе Гайдула Мукашева, киргиза Торгунской части, уволенного от должности правителя части, Джумгали Карагаева, киргиза Таловской части, также уволенного от должности правителя части; также уволенного части *), Батырханра Ниязова, киргиза Таловской части, помощника присяжного поверенного округа саратовской судебной палаты, лишённого права практики, и Мендыханова, уволенного от должности помощника правителя части и ныне служащего во временном совете.

Кроме того, имеются сведения, что киргизами первого и второго округов Киргизской степи с аналогичным ходатайством послана и вторая депутация, состав которой пока не выяснен.

Для подавления агитации в степи в распоряжение ордынской администрации мною отправлено три взвода казачьего полка. 687.

Губернатор Соколовский.

3.

Копия телеграммы из Астрахани управляющему земским отделом от 26 июня 1916 г.

Согласно телеграммы мин. вн. д. от 28 июня, нум. 18991, коей было приказано в кратчайший срок произвести призыв инородцев для формирования рабочих партий на фронт, я привлек к делу все имевшиеся в моем распоряжении силы и средства и приступил с 10 июля к призыву, но должен был отменить свое распоряжение, так как, по телеграмме мин. вн. д. от 13 июля, нум. 20816, оказалось, что военное ведомство решительно затрудняется осуществить перевозку принятых инородцев.

Войдя в сношение с штабом казанского военного округа, согласно телеграммы мин. вн. д. от 8 июля, нум. 20062, я 23 сего июля получил заявление астраханского уезд. воинского начальника, что с пятого августа он может принимать ежедневно по 1000 инородцев.

Тут же мною был объявлен призыв соответствующих инородцев, и к набору таковых уже было приступлено, но сегодня я получил от того же уездного воинского начальника заявление о приостановлении приема инородцев впредь до получения им плана перевозки от военного ведомства, почему сегодня я вторично вынужден был приостановить набор инородцев.

Таким образом за короткое время я принужден дважды объявлять призыв и дважды его отменять. Продолжать призыв и накапливать на

*) Так в оригинале.

своих приемных пунктах инородцев свыше того, на что эти пункты рассчитаны, я не могу, отменять же призыв считаю крайне нежелательным по следующим причинам: первое — взятый из дома инородец, коему до пункта нужно пройти иногда до 300 верст и затем с пути вернуться, несет совершенно напрасные экономические потрясения; второе — при существующем недовольстве инородцев вообще призывом такие отмены могут вселить предположение о колебании власти и быть использованы личными агитаторами, упомянутыми в телеграммах моих от 20 и 25 июля, номерами 634 и 687, для еще большего смущения инородцев.

Посему прошу зависящего распоряжения, чтобы военные власти округа давали окончательные и точные заявления о дне и числе инородцев, в кои они на каждый из четырех для Астраханской губ. пунктов воинских начальников могут принять инородцев, и чтобы эти заявления не подвергались изменениям.

Подобные заявления военные власти должны давать не менее как за десять дней до приема ими инородцев, так как ранее этого срока призвать инородцев и выполнить все санитарные требования Ольдена³⁾, включая пятидневный карантин, невозможно.

Главначальствующий *Соколовский*.

4.

Протокол.

Протокол частного совещания киргиз Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей, состоявшегося 7 августа 1916 года в помещении тургайского областного правления с разрешения тургайского губернатора⁴⁾.

Совещание было открыто речью господина губернатора, который присутствующим разъяснил смысл высочайшего повеления 25 июня 1916 года и просил содействия их спокойному осуществлению призыва киргиз на работы. Предложив затем собранию избрать председателя, господин губернатор оставил зало.

После ухода господина губернатора, под председательством избранного присутствующими А. Н. Букейханова⁵⁾ при секретарях О. Алмасове и М. Я. Дулатове, совещание приступило к обсуждению вопроса о призыве киргиз на тыловые работы.

Высочайшее повеление 25 июня стало известно киргизам в форме объявления местных властей в то время, когда само повеление не было опубликовано. Это поразило население, как гром из ясного неба. Местная власть в спешном порядке стала приводить в исполнение высочайшее повеление. В неподготовленности населения и в чрезвычайной спешности, местами — грубости и злоупотреблени[ях] в действиях властей, кроется корень до сих пор бывших и ставших известными недоразумений и трений.

Киргизский народ воинской повинности не отбывал никогда. Молодежь его массами, да еще в принудительном порядке, не призывалась никогда. Единовременная и спешная мобилизация 25 возрастов (19—43) поразила население. Мобилизация частичная даже у народов, привычных к воинской повинности, часто проходит с большими трудностями. В той обстановке, в которой происходит приведение в исполнение высочайшего повеления 25/VI и при новизне дела мобилизации 25 возрастов киргизского народа, нет ничего удивительного в том, что до сих пор случилось. При наличии: 1) надлежащей подготовки населения, 2) частичной мобилизации в течение более или менее продолжительного времени по мере надобности, 3) при применении возможных льгот, необходимых для сохранения интересов хозяйства, и 4) при участии уполномоченных от населения — мобилизация рабочих от киргизского населения прошла бы гладко и мирно.

Если мы не видим худшего — открытого восстания народа, то это объясняется его чрезвычайным миролюбием. В Актюбинском уезде, в 3-м участке, местная власть приказала явиться к приему через 10 дней. Киргизы этого участка разбросаны на пространстве в 400 — 200 верст в длину и ширину.

В Кустанайском уезде местная власть назначила прием в Аракарагайской волости через 9 дней, в Соройской волости через 15 дней.

В других волостях также чрезвычайно спешно требовали явку на сборный пункт, отдаленный от населения на 200—300—400 верст.

Всем известно, что в посемейных списках записанные возрасты киргиз не соответствуют действительности. Возраст киргиз в списки заносится аульными произвольно. Никто правильностью этой записи до сих пор не интересовался. Некоторые записи заведомо властями делались неправильными: богатые киргизы, подготавливая требуемый при выборах на общественные должности возрастной ценз, умышленно записывали лета своих сыновей старшими. Поэтому в степи нередкость 20-летний бий⁶⁾ или волостной управитель, когда по закону они должны быть не моложе 35—25 лет.

До мобилизации необходимо было при участии аульного схода исправить заведомо неправильные списки или составить новый верный список.

Между тем местная власть спешно потребовала старые неправильные списки, объявив их правильными, и пожелала мобилизовать по ним единовременно 18% всего мужского населения. Просьбу киргиз об исправлении списков, о согласовании их с действительностью, никто не хотел слушать. Когда население увидело явную несправедливость, то оно обратилось к самосуду, повсеместно отбирая от волостных управителей списки. Это было в областях Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской. Местами волостные управители пожелали на почве мобилизации свести счеты со своими партийными врагами, стали сочинять новые списки, включив всех своих противников в возрасте 19—31, другие стали торговать спис-

ками, предлагали за деньги изменить возрасты призываемых. Одни откупались, другие, непризываемые, попадали в списки призываемых. Волостные управители Карабалыкской волости Кустанайского уезда Саим Кыдыров и Чингирлауской волости Уральского уезда Ахмед Сарыбалин были убиты населением именно за разнообразные свои злоупотребления. Некоторые волостные управители, желая нанести самый верный удар своим врагам, обвиняли их в сопротивлении мобилизации и доносили по начальству.

Благодаря вышеуказанным злоупотреблениям киргизских властей, нынешнее поколение впервые познакомилось с отрядами казаков. В Чингирлауской волости и по аулам расквартированы 75 казаков, содержание коих обходится киргизам в сутки 25 баранов и 25 пудов овса. В Кустанайском уезде в пределах Аракарагайской волости расквартировано 125 казаков и в пределах Кинаральской и Миндыгаринской — 125 казаков.

Появление в степи казачьих отрядов навело страх на мирное население огромного района. Киргизы, до того мирно ожидавшие приема призываемых рабочих, заволновались: местами, оставив все свое имущество, взяв на семью две решетки и кусок кошмы, откочевали на юг. Молодежь оставила аулы, выехала в степь, и неизвестно, куда она направилась. Повсюду киргизы оставили поспевающий хлеб; скошенное сено остается в копнах, гниет и развевается ветром по степи. Хозяйству нанесен непоправимый ущерб, ибо со времени объявления о призыве никто хозяйственными делами не занимается. В Уржарской волости Лепсинского уезда Семиреченской области киргизы, уходя неизвестно куда, потравили скотом весь свой хлеб и покосы.

Отряды казаков вызваны также в некоторые уезды Акмолинской области. Везде результаты одни и те же: обострение волнения народа, которого, быть может, ожидает еще большее несчастье и горе.

Все, что до сих пор произошло, объясняется чрезвычайною спешностью приведения в исполнение высочайшего повеления.

Необходимо немедленное принятие мер успокоения населения отозванием из степи казачьих отрядов, созывом на местах съездов уполномоченных от населения. Местные власти, особенно волостные управители, сами создали своими спешными действиями, грубостью и злоупотреблениями народное волнение, возмутили самый мирный, покорный высочайшему повелению, народ, которого объявили непокорным властям и закону. Все это неверно — киргизы исполняют повеление.

Необходимо принять в соображение целостность хозяйства, поставляющего на нужды войны и населения в тылу скот, мясо и хлеб.

В северных уездах степных областей, где киргизы живут вперемежку с переселенцами, киргизское хозяйство напоминает крестьянское и требует рабочих сил, сколько потребно для крестьянского хозяйства.

Киргизы в этом районе часто хлеб сеют исполу с крестьянами. Отсутствие работника киргиза одинаково поражает хозяйство крестьянина, который, может быть, находится на войне. В уездах Уральском, Актюбинском, Кустанайском, Петропавловском, Кокчетавском, Омском, Акмолинском, Павлодарском, Семипалатинском, Барнаульском, Усть-Каменогорском, Зайсанском после ухода крестьян на войну киргизы составляют единственную рабочую силу для уборки сена и хлеба. В Омском, Павлодарском, Семипалатинском уездах киргизы, арендующие землю в пределах 10-врсной полосы по р. Иртышу, уборкой сена занимаются до первого снега. Здесь же киргизы, по условию с Сибирским казачьим войском, до 1 октября не могут подходить к своим зимовкам и ремонтировать ежегодно размываемые весной свои постройки. В северных уездах киргизской степи на каждое хозяйство приходится 10 десятин посева и 2.000 пудов потребляемого сена. Объявление мобилизации рабочих застало киргиз в самый разгар сенокоса и накануне уборки хлебов. Вот уже месяц как вся степь волнуется, бросила свое хозяйство, сено не успели скосить, а хлеб не убирается. Все это нужно приводить в порядок, нужно наверстать потерянное время. Теперь это потребует временно лишних работников в хозяйстве.

Хозяйство южных киргизов зимою занимает все мужское население, кочующее всю зиму со скотом. Например, иргизские и атбасарские киргизы со скотом уходят в Сыр-дарьинскую область, гурьевские и иргизские киргизы — в Закаспийскую область. Ныне киргизы разбежались по всей степи, собрать их в более или менее короткое время нет никакой физической возможности.

Природные условия — теплые дни, наличие подножного корма для лошадей, удобство добывания пищи и для самих людей — много способствует образованию шаек в степи. С наступлением зимних холодов и исчезновением всех этих благоприятных условий шайка распадется, и киргизы вернутся в аулы.

1. В виду изложенного необходимо отсрочить призыв рабочих для северных уездов до 1 января 1917 года, а для южных уездов до 15 марта 1917 года.

2. Призвать в первую очередь одну треть 19—31 возрастов, начиная с младшего возраста, так как в этом возрасте наибольшее число несемейных.

3. Прием лиц, проживающих за пределами места приписки, согласно их желанию, производится или по месту жительства, или приписки.

4. Оставить в семье одного работника призывного возраста при полуработнике (17 или старше 50 лет).

5. Принятых, по возможности, оставлять на работах по обороне государства на местах.

6. Принятому предоставить право заменить себя другим лицом.

7. На каждое аульное общество оставить по одному мулле.

8. Оставить мугаллима учителя на каждые 50 кибиток для обучения детей киргизской грамоте, при чем предпочтение должно быть отдано тем, кто имеет шаадат-нам (свидетельство) от медресе.

9. Освободить от призыва учащихся в мусульманских медресах в городах.

10. Старые списки, представленные спешно, неправильны, — нужно их возвратить: избрать комитет, составленный лицами, избираемыми по одному от каждого десятка домохозяев, и поручить этому комитету составление нового списка в присутствии аульного схода.

11. Так как в дело мобилизации волостные управители или претенденты на их должности впутали свои дела по выборам, то необходимо приостановить на время мобилизации производящиеся выборы должностных лиц киргизской администрации.

12. В приемной комиссии с правом голоса должны участвовать по два уполномоченных от каждой волости, уполномоченные участвуют в приемной комиссии при приеме рабочих своей волости.

13. Принятым рабочим предоставить право соединяться в артели в 30 человек. При артели должен быть переводчик, и на 10 артелей один мулла.

14. Заболевшие рабочие пользуются медицинским уходом наравне с ранеными.

15. Рабочие киргизы должны быть в ведении учреждений городского и земского союзов. О правах и обязанностях учреждений, заведующих рабочими киргизами, должна быть издана инструкция.

16. Для доставления рабочим одежды и провизии с мест должны быть даны бесплатные вагоны в необходимом количестве и пропуск двум лицам от каждой волости.

17. По уважительным причинам по мере надобности киргизы рабочие пользовались бы отпуском.

18. Об изложенном совещание постановило ходатайствовать перед правительством.

Председатель А. Букейханов.

Секретарь М. Дулатов.

О. Алмасов.

5.

Памятная записка о киргизах.

В объявленном военным министром высочайшем повелении от 25 июня 1916 года сказано:

1. Для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всяких иных необходимых для государственной обороны работ привлечь в реквизиционном порядке в течение настоящей войны мужское инородческое население империи, в возрасте от 19 до 43 лет включительно, в том числе киргизов Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей.

2. Определение возрастов инородческого населения, подлежащего привлечению к работам, согласно предыдущему (1) пункту, а равно установление подробных правил привлечения их к сим работам применительно к порядку, заключающемуся в высочайше утвержденном 3 августа 1914 года положении военного совета о реквизиции, предоставить соглашению министров внутренних дел и военного.

О таком высочайшем повелении министр внутренних дел дал знать губернаторам степных областей по телеграфу 27 того же июня, предложив им исполнить оное в наискратчайший срок, призывая на работу в первую очередь киргизов в возрасте от 19 лет до 31 года включительно. Губернаторы степных областей предписали г. г. крестьянским начальникам немедленно объявить киргизам означенное повеление и приступить к составлению списков киргизам призывного возраста первой очереди при участии волостных управителей ⁷⁾, аульных старшин ⁷⁾ и аксакалов (стариков) ⁸⁾, определяя возрасты призываемых на основании посемейных списков, что не замедлили выполнить крестьянские начальники.

Закон этот сразу встретил несочувствие со стороны киргизского населения. Киргизы не были подготовлены к восприятию такого закона. Он застал их врасплох и неожиданно свалился на них, как бы с неба. Законом этим не соблюдался никакой порядок постепенности в призыве по возрастам и сразу привлекалось им огромное количество мужского населения в возрастах от 19 лет до 31 года, что не практиковалось доньше в империи и в отношении воинской повинности, протекающей обыкновенно с соблюдением постепенности по возрастам даже в таком населении, которое привыкло к отбыванию оной и среди которого развито чувство гражданственности. Неимение у киргизов метрических книг о рождении и отсутствие упорядоченных посемейных списков для точного определения возрастов и продолжающееся поныне отсутствие тех подробных правил приема, установление которых высочайшее повеление возложило на военного министра и министра внутренних дел (2 пункт), не могли не усилить неудовольствия киргизов против этого закона, так как эти обстоятельства сразу подали повод к разным злоупотреблениям со стороны туземных властей на почве корыстного определения возрастов призываемых на работы. На этой почве происходило то, что, кому было 17 лет от роду, тому местные власти давали 23 года, кому же было 38 лет, тому давали 28 лет, и стал практиковаться торг на повышение и понижение возрастов за определенную мзду.

Полуграмотные переводчики крестьянских начальников, никогда не слышавшие таких выражений, как «реквизиция», «оборонительные сооружения на театре военных действий», «военные сообщения» и т. д., переводили их на киргизский язык неправильно и туманно, и, по их толкованию, выходило, что киргизы берутся в «солдаты», и прямо на позиции, без обучения их военному искусству, и это так усилило недоверие киргизов к закону, что уже трудно было кому бы то ни было

убедить киргизов в том, что их берут не в солдаты, а на работу в тылу за плату и довольствие от казны.

Нельзя скрыть и того, что среди киргизов стал распространяться слух, якобы означенный закон исходит не от верховной власти, а выдуман местными властями, что подкреплялось слухами же о том, что он не обсуждался в законодательных учреждениях, не был издан в порядке 87 ст. основных законов⁹⁾ и не был опубликован правительствующим сенатом. Наконец, в виду того, что источник благосостояния киргизов составляет скотоводство, требующее бдительного ухода за собой со стороны хозяина, а хлепопашество служит лишь подспорьем к этому хозяйству, означенный закон, отвлекающий всех хозяев от скотоводческого хозяйства и влекущий за собой расстройство его, не мог вызвать к себе сочувствия со стороны киргизов.

Совокупность всех этих и иных отрицательных явлений, сопровождавших жизнь номадов при исполнении высочайшего повеления от 25 июня 1916 года, создала то повышенное настроение толпы киргизов, называемое брожением, которое выразилось в разных эксцессах, проявлявшихся однообразно повсюду и везде в степных областях.

Все рабочие из киргизов, служившие по вольному найму у самих киргизов, у разных русских и нерусских купцов, у переселенцев, у казаков, казачьих войск и т. д., после объявления высочайшего повеления вдруг бросили работы и разошлись по своим аулам, особенно к своим родовичам, передавая панику и настроение последним. То, что киргизы бежали к своим родовичам, показало, что родовое начало у киргизов еще сильно и они рассчитывали на защиту родовичей против постигшего их несчастья. То же самое сделали и киргизы-хозяева, работавшие на себя и не нанимавшиеся ни к кому другому. Создалась паника, путаница. Каждый киргиз призывного возраста, хотя бы он был бедный, распродал то имущество, какое у него есть, или приобрел для себя лучшего коня, или такового попросту реквизировал у соседа. Такие молодые люди, объединившись в толпу всадников — где в 50, где в 100, где в тысячу человек и т. д., вооруженную палками с косой или зубцами от грабель на их концах и в редких случаях охотничьими ружьями, разъезжали по аулам и присоединяли к толпе своих сверстников: одних добровольно, других насильно, путем угроз, чтобы сбросить с себя тягость царского повеления. Благодаря этому сено осталось нескошенным, а скошенное неубранным, хлеб остался неснятым совершенно. Можно сказать, что все степь заволновалась. Состояние киргизской молодежи призывного возраста до начала сего сентября напоминало то состояние рогатого скота, в котором он бывает в мае месяце, когда находит на него овод и он, мучимый нестерпимой болью, подняв хвосты, скачет в разные стороны, не различая ни глубоких ям, ни глубоких оврагов, в которые он может упасть. Оно напоминало положение такого коня, которому в бедро неожиданно запущено шило и он, выскакивая, делает разные гневные выкрутасы, чтобы сбросить с себя предмет, причинивший ему такой неожиданный укол.

Экспессы толпы были направлены главным образом против своих волостных управителей, аульных старшин, их писарей, аксакалов (стариков), которые призваны составить списки лиц призывного возраста, и особенно против тех неофициальных записей, которые велись так беспорядочно туземными должностными лицами и назывались посемейными списками. Эти экспессы иногда сопровождались такими актами со стороны толпы, как убийство управителя Чингырлауской волости Уральского уезда Ахмеда Сарыбалина и волостного ее писаря Галия Тяукина, повлекшее за собой взятие под стражу в уральскую областную тюрьму 13 человек киргизов Чингырлауской волости *), убийство управителя Карабалыкской волости Кустанайского уезда Саима Кыдырова, повлекшее за собой взятие под стражу 21 киргиза Карабалыкской волости в кустанайскую тюрьму **), — убийство волостных писарей Алимбетовской и Тереклинской волостей Актюбинского уезда, повлекшее за собой взятие под стражу 3 киргизов Тереклинской волости в актюбинскую тюрьму по обвинению всех арестованных киргизов в сопротивлениях властям, предусмотренных 263, 264 и 268 ст. улож. о нак.

В иных случаях экспессы сопровождались отнятием посемейных списков у управителей и аульных старшин и уничтожением сих списков. Так, например, толпа отняла посемейные списки у управителя и волостного писаря Чиликской волости Уральского уезда, что повлекло за собой взятие под стражу 19 киргизов Чиликской волости в уральскую областную тюрьму ***), — у двух аульных старшин Суналинской волости Лбищенского уезда, что повлекло за собой взятие под стражу в ту же тюрьму 7 киргизов Суналинской волости, — управителя Алимбетовской волости Актюбинского уезда, что повлекло за собой взятие под стражу 15 киргизов Алимбетовской волости, и 2 киргизов Тереклинской волости в Актюбинскую тюрьму, — у управителя Петропавловской волости и уезда, что повлекло за собой взятие под стражу 6 киргизов Петропавловской волости в петропавловскую тюрьму, — по обвинению всех означенных киргизов в сопротивлении властям, предусмотренном 263—и 264 ст. улож. о нак.

Были и такие случаи экспессов, когда уездные начальники выезжали с казачьим отрядом на помощь управителям, аульным старшинам и аксакалам, которым мешала толпа составлять списки лиц призывного возраста или которых не пускала толпа молодежи призывного возраста в камеры крестьянских начальников для той же цели. Так, например, казачий отряд, сопровождавший лбищенского уездного начальника, подполковника фон-Галлера, произвел выстрел залпом в толпу киргизских всадников Каракульской волости, находившуюся

*) Из них 4 человека повешено по приговору военно-окружного суда в г. Уральске. (Прим. подлинника).

**) Из них повешено тоже 4 человека. (Прим. подлинника).

***) Из них повешено 4 человека по приговору военно-окружного суда в г. Уральске. (Прим. подлинника).

на расстоянии более 2 верст от него и отказавшуюся разойтись по требованию г. фон-Галлера, переданному им, как говорят, толпе через какого-то киргиза, при чем оказались на месте убитые (киргизы), и толпа разбежалась, а списки живо были составлены туземными властями наобум, произвольно. Другой же уездный начальник, именно Темирского уезда, Петров, выехавший с казачьим отрядом сначала в Джетикульскую и, затем, в Казбецкую волости, сумел обойтись счастливо без кровопролития, повлияв на толпу обеих волостей путем наставления и увещания допустить управителей, аульных старшин и аксакалов (стариков) выполнить их обязанности по составлению списков, что толпой было и исполнено. Крестьянский же начальник 2-го участка Лбищенского уезда г. Лебедев сам составил списки лиц призывного возраста по Улентинской, Буддуртинской, Сабынкульской и Калдыгайтинской волостям Лбищенского уезда на основании сомнительных посемейных списков, без участия управителей, аульных старшин и аксакалов, так как они не являлись в его камеру из боязни насилия со стороны молодежи призывного возраста.

В Кызылджарской волости Лбищенского уезда, против Калмыковской станицы, крестьянский начальник 3-го участка Лбищенского уезда г. Логашкин нанес побои какому-то киргизу, находившемуся в толпе, за то, что этот киргиз указал на неприемлемость составления списков лиц призывного возраста на основании посемейных списков, так как возрасты определены в этих списках неправильно, а раздраженная этим поступком Логашкина толпа набросилась на него, нанося ему удары нагайками, но Логашкину спас жизнь один здоровенный аульный старшина, который, обхватив Логашкина и покрыв его своим корпусом, упал на него, крича: «убейте меня, а не крестьянского начальника». Неизвестно, в связи ли с этим случаем, или нет, арестован почетный и уважаемый киргиз Кызылджарской волости Хаягалий Маулимбериев по обвинению его по 129 ст. уголовн. улож. и содержится в лбищенской тюрьме, хотя всем киргизам известно, что он убеждал и склонял киргизов своей волости к спокойному составлению списков.

Возбужденным состоянием киргизов объясняется следующий случай. Киргизы напали на лавку какого-то татарина, находящуюся в Преображенском переселенческом поселке Темирского уезда, и ограбили товар. Для производства дознания выехал пристав 2-го стана Темирского уезда Музаффар Тяукин, в сопровождении казачьего отряда, состоящего из 8 казаков. Кочующие киргизы Бистюбинской и Акжаловской волостей Гурьевского уезда, летовавшие в районе Койндинской волости Темирского уезда, не хотели допустить производства обыска для отобрания ограбленного товара и не только оказали вооруженное сопротивление приставу с казачьим отрядом, но даже напали на них. Поэтому казачий отряд произвел в них выстрел залпом из винтовок, последствием чего оказались убитыми 6 киргизов, три их лошади, а у четвертой лошади раздроблена была одна нога,

при чем одному казаку попало дробь в щеку, другому казаку в спину, так что из этого видно, что киргизы оказались вооруженными охотничьими ружьями. Раны у казаков признаны легкими. Киргизы разбежались, унося с собой раненых. Пристав же Тяукин (киргиз по происхождению), отражая нападение, выстрелом из револьвера убил наповал одного киргиза. Нападение киргизов сопровождалось их криком: «Майлыбай», «Майлыбай», что означает то, что нападавшие — принадлежат Кетинскому роду (род Кете) и что родовичи приглашаются на помощь.

Многие управители, аульные старшины и аксакалы, спасаясь от насилия молодежи призывного возраста, нашли убежища в таких городах, как Уральск, Илек и иные оседлые русские центры, так что списки лиц призывного возраста были везде составлены в чрезвычайной обстановке при повышенном настроении как населения, так и местных властей, и ручаться за их добросовестность не приходится. Этим, вероятно, объясняется то, что акмолинский губернатор арестовал 6 человек киргизов за то только, что они обратились к нему с ходатайством разрешить собрание киргизов 12 волостей Петропавловского уезда для обсуждения вопроса о льготах, и выпустил их из-под ареста чрез 8 дней.

Вот приблизительно то, что происходило в степных областях в период составления списков киргизам призывного возраста, т.-е. до начала сентября 1916 года. Однако заметно было, что киргизская молодежь искала для себя вожака, но не нашла его, а потому и брожение ее носило характер неорганизованности, не отличаясь от обыкновенных трений, вызываемых всяким новым явлением в народной жизни. Оно не заключало в себе признаков восстания или возмущения в целях отпадения от России. Это брожение не было вызвано влиянием извне, ни немцами, ни турками, ни австро-венгерцами и ни болгарами. Если бы оно было вызвано ими, с их стороны была бы попытка найти для киргизов хотя бы путем подкупа или иным способом вожака, снабдить их огнестрельным или иным оружием. Никаких подобных признаков не наблюдалось. Наоборот, киргизы были настроены очень враждебно против немцев, что выразилось в разгроме ими богатого и благоустроенного хутора, принадлежащего мещанке г. Риги Елизавете Федоровне Мейер и находившегося на станции Чулак-Анката, в районе Урюктукульской волости Лбищенского уезда. Этот хутор, оцененный в 13 тысяч рублей, был разгромлен до-глы только потому, что он — немецкий, о чем производится предварительное следствие мировым судьей 1-го участка Лбищенского уезда. К счастью киргизов, кроме хутора Мейер, никаких иных немецких элементов в степи не оказалось, иначе киргизы не избегли бы кары закона за свои эксцессы против немцев. Поэтому всякое утверждение, исходящее от кого бы то ни было, о влиянии врагов России на возмущение киргизов по поводу призыва их на работы представляется такой неизвинительной и непростительной ошибкой, которая может отразиться несправедливо

и незаслуженно на судьбе несчастных номадов, а потому требует осторожного к себе отношения.

Затем, есть люди, которые без всякого основания подозревают киргизов в сепаратизме или в стремлении к отложению от России. Такие люди, обнаруживая полное незнакомство с текущей жизнью киргизов и клевета на них понапрасну, обнажают скудость своих познаний и по истории взаимоотношений киргизов и России. Киргизы, или так называемые киргиз-кайсаки, приняли российское подданство в XVIII столетии добровольно, без пролития крови, сами по своему почину, и обязались защищать пределы Российской империи от нападения внешнего врага (жалованная грамота императрицы Анны Ивановны на имя хана киргиз-кайсацкой орды Абулхайра в 1731 г.). В том же XVIII столетии башкирский бунт был усмирён киргизами на основании этого обязательства. В преследовании французского завоевателя Наполеона I, после оставления им Москвы, участвовали добровольцы-киргизы, во главе с киргизом коллежским ассесором Байжазыком Кушукбаевым, вплоть до самого Парижа, побывав по дороге и в Берлине. Завоевание Туркестанского края Черняевым¹⁰⁾, Хивы и Бухары Кауфманом 1-м¹¹⁾ и туркменов Закаспийской области Скобелевым¹²⁾ сопровождалось деятельным личным и материальным участием киргиз-кайсаков. Генералы Черняев и Скобелев составляют не только русских, но и киргизских народных героев, сложить головы за которых киргизские джигиты и батыри (богатыри) считали за честь.

После всего этого вдруг в 1916 году, почему-то, — что, действительно, кажется странным, — наблюдается такой регресс в настроении тех же киргизов, доискаться до причин которого и устранить их — составляет дело мужей государственного ума. Нельзя сомневаться в том, что эти мужи убежденно отвергнут признак киргизского сепаратизма.

Ныне с 15 сентября наступил второй период набора киргизов на работы по составленным уже спискам, и нельзя не сознаться, что он протекает под сильным административным давлением, сопровождаясь в большей или меньшей степени новыми трениями. Вполне естественно предположение, что значительная часть киргизов призывного возраста не явится по призыву на назначенные пункты и, так сказать, разбежится, а начальству предстоит обязанность ловить их, гоняться за ними в степях, производить розыски чрез тех же пресловутых управителей, аульных старшин и аксакалов и прибегать к карательным мерам, наполняя тюрьмы лицами призывного возраста, не говоря уже о том, что могут быть случаи новых эксцессов, против которых представится необходимость посылки карательных отрядов. Если в связи со всем этим принять во внимание, что в степных областях ожидается голод, обусловленный неурожаем хлеба и кормовых трав для скота и тем, что по случаю настоящего призыва киргизы не косили сена и не жали хлебов, какие имелись у них в той или иной мере, то станет понятно, как печально то положение, которое предстоит испытать киргизам степных областей.

Поэтому, в видах предотвращения таких нежелательных явлений в степных областях, которых нельзя не считать маленькой междоусобицей внутри страны, и в целях водворения и поддержания спокойствия в тылу во время такой страшной мировой войны с жестоким врагом, долг гражданина требует заявить, что было бы не умалением авторитета власти в глазах киргизского населения степных областей, а, напротив, всемерным усилением оного, если бы в возможной скорости была исправлена ошибка власти, сопровождавшая издание и осуществление высочайшего повеления от 25 июня 1916 года, с немедленным разрешением отсрочки призыва киргизов на работы, по крайней мере, до мая 1917 года, тем более потому, что требования 2-го пункта высочайшего повеления доньше не выполнены самим министром внутренних дел и военным министром и на указанное исправление ошибки требуется время.

Такая отсрочка безусловно обрадовала бы киргизов-мусульман, проникнутых религиозным фанатизмом, если бы она была разрешена по случаю наступающего в субботу 24 сего сентября мусульманского праздника «Курбан-байрам», который в нынешнем году считается мусульманами всего мира «особенно великим», так как канун его — пятница, что бывает редко, а потому и праздник называется «Хаджи-акбар».

Тем более, казалось бы, надо поспешить отсрочкой, что в некоторых областях, например в Тургайской, издан такой циркуляр, по которому за неявку молодежи призывного возраста ответственность и подлежат наказанию аксакалы (старики), хотя никакой аксакальской должности по закону не существует и наказание их противоречит закону.

6.

Донесение военного губернатора Семиреченской области ген. Фольбаума туркестанскому генерал-губернатору ¹³⁾.

О беспорядках, происшедших в Семиреченской области в связи с набором рабочих.

Где и в чем вы-
разились беспорядки.

Недовольство киргиз, как основное настроение массы, приведшее к открытому бунту, замечалось давно.

После объявления высочайшего указа о наряде рабочих в начале июля с большой настойчивостью стал распространяться агитаторами среди киргизской массы слух о введении воинской повинности, что и послужило ближайшим поводом сначала к пассивному сопротивлению распоряжениям властей, а затем и к открытому неповиновению и беспорядкам во многих волостях, под давлением призываемых, на которых не действовал благоразумный голос старейшин. Смута и паника охватили целые волости: приграничные волости Лепсинского и Джаркентского уездов в половине июля стали уходить

в Китай, другие — в степи Балхаша или же в горы, бросая свои поля и зимовки. Рабочие киргизы убегали от русских, воруя лошадей и скот. Первым значительным столкновением нужно считать нападение киргиз Эмельской и Барлынской волостей 24 июля — 1 августа на Тахтинский таможенный пост и с. Пограничное в Алакульской долине, вызванное желанием киргиз прорваться в Китай. Первым же мятежным выступлением было открытое нападение, с оружием в руках, 3 августа призывных Кызылбурговской волости Верненского уезда, на уроч. Ассы, во время составления призывных списков, на почетных лиц волости и на помощника уездного начальника г. Хлыновского и его конвой, из которого был один убит и три ранено. Уже 4 августа на Ассы выступила казачья сотня, и в ближайшие затем дни Кызылбурговская волость была примерно наказана.

6 августа мятежники нескольких волостей Кастекской группы оказали вооруженное сопротивление отарскому участковому приставу около станции Самсу и напали на его конвой, а 7 августа — на небольшой охранный отряд дружины прапорщика Вяткина в с. Пригорном, близ Кастекского перевала. С этого момента мятежные шайки киргиз быстро распространились в 6 ближайших волостях до Курдая, в районе станции Самсу-Отар и русских селений Сергиевского-Кастек, где 7—8 августа киргизами было убито 16 человек и уведено в плен до 35 человек, которые были ограблены, многие изранены и затем освобождены. Остальные две волости Верненского уезда, хотя и не примкнули открыто к мятежникам, но брожение и агитация значительных конспиративных групп у них наблюдалась: напр., в Джаильмышевской волости на уроч. Уш-Кунур банда бунтовщиков до 500 человек была рассеяна казачьим отрядом 13 августа под командой и. д. верненского уездного начальника подполковника Базилевского.

Через Кастекский перевал движение быстро передалось и кара-киргизам Атекинской и Сарыбагишевской волостей Пишпекского уезда, где 8 августа было вооруженное нападение на почту близ ст. Джил-Арык, а затем 9—12 августа на станицу Самсоновскую и селения, расположенные по р. Чу около Токмака: Быстрорецкое, Орловское, Ново-Российское и др.; 13 августа самый Токмак был осажден громадным скопищем, до 5 т. человек, киргиз соседних волостей: Шамсинской, Байсеитовской и др. Для усмирения мятежа был отправлен отряд подъесаула Бакуревича, который, пройдя русские поселки Кастекской группы, перешел в Чуйскую долину для защиты Токмака с ближайшими селениями. Главари Сарыбагишей для обеспечения успеха своего выступления разослали послания и гонцов во все кара-киргизские волости Пржевальского и Пишпекского уездов. Значительные группы их гонцов не только вели агитацию, но и применяли меры энергичного воздействия на колеблющихся и трусливых. Уже 9 августа мятежные выступления начались в Пржевальском уезде, где одновременно было сделано нападение на сел. Григорьевку (у оз. Иссык-Куля) и на с. Столыпино и Белоцарское, по долинам р. Кечкорки и Джум-

гола. Мужское население Белоцарского почти все было перебито, а женщины уведены в плен. Столыпинцы же ушли с подоспевшим из Нарына военным конвоем к Токмаку (Карабулак). Около селения Беловодского 10 августа также возникли беспорядки в соседних волостях, но быстро были подавлены.

День 10 августа можно считать вообще началом мятежа, вспыхнувшего в Пржевальском уезде и Нарынкольско-Чарынском участке Джаркентского уезда, где он охватил все побережье Иссык-Куля, долины Каркару и реки Текеса.

Для русского населения и администрации особенно мятеж кара-киргиз Пржевальского уезда был неожиданным и коварно-предательски подготовлялся влиятельными главарями, которые накануне самого мятежа высказывали заверения в полной преданности правительству; поэтому кара-киргизам удалось причинить весьма значительные бедствия и иметь временный успех в этом отдаленном и оторванном уголке области. Банды бунтовщиков, вооруженные пиками, палками и отчасти ружьями, прежде всего набросились на хутора, заимки, станции и мелкие изолированные поселки, расположенные по берегу озера Иссык-Куля и по почтовому тракту от Пржевальска до Охотничьего.

Набеги повсюду сопровождались грабежами, пожарами, зверскими убийствами и уводом в плен женщин и девушек. Нападение было произведено сразу на все беззащитные поселки северного и южного берега озера. Население, невооруженное и неподготовленное, бросило дома и имущество и бежало; на дороге киргизы грабили и избивали, а поселки поджигали. Таким образом пострадали: 11 поселков и 16 хуторов по южному берегу, 8 поселков по северному берегу и 9 поселков с 11 хуторами по тракту на Каркару. Русское население, спасаясь от грабительских шаек, сконцентрировалось в более значительных селах, где администрация уже успела наладить самооборону путем организации местных дружин, снабжения их оружием и устройством защитных сооружений. Таким центром сосредоточения беженцев для Пржевальского уезда были: г. Пржевальск, сел. Теплоключевское и Преображенское. Во время бегства крестьян из селений южного берега Иваницкое, Торханы и друг. к г. Пржевальску к восставшим киргизам присоединились дунгане Мариинской волости, вероломно избивавшие беженцев, перехватывая их на пути в город. Это вызвало сильное озлобление русского населения, окончившееся избиением дунган и разгромом их села.

Все селения Нарынкольско-Чарынского участка выведены подоспевшими военными отрядами 12—14 августа к г. Пржевальску, но поселки разграблены и сожжены киргизами: Таврическое, Новокиевское, Ново-Афонское, Владиславское, Красноярское, Мещанское и казачий выселок Охотничий.

Необходимо отметить, что администрация, предвидя возможность недоразумений и волнений на почве призыва рабочих, просила военной помощи из Ташкента еще в июле, а имеющиеся незначительные воен-

ные силы распределила планомерно по области в определенных центрах, откуда было удобно оказывать помощь при возникновении беспорядков; поэтому на Каркаре к началу мятежа была рота дружины, под командой нарынкольско-чарынского участкового начальника ротмистра Кравченко, и скоро прибыла сотня казаков из Джаркента; этот отряд затем энергично стал восстанавливать порядок в районе Иссык-Куля и Текеса.

К Нарыну прибыли войска из Андижана, а в Пишпек и Токмак — 20—21 августа из Ташкента, после чего началось усмирение мятежников военной силой и постепенное возвращение населения на свои места.

Убытки, причиненные мятежом, так огромны, что трудно поддаются учету. Особенно пострадал Пржевальский уезд и южная часть Джаркентского. По приблизительному подсчету сожжено и разрушено дворов около 2.600, пострадавших семей до 8.000.

Заявлено частных убытков до 10 миллионов. Но это не исчерпывает всего материального вреда, так как много погибло разного казенного имущества: церкви, школы, станции, мосты, сооружения и проч. Иссык-Кульская котловина не только имела запасы хлеба, но и предстояло собрать богатый урожай, большею частью погибший; оставшееся население разорено.

На восстановление хозяйства потребуется весьма значительная сумма. Казна и земская касса также понесли большие убытки недобором поступлений, которых и в ближайшем будущем нельзя ожидать из Пржевальского уезда.

Бунтующие волости Пишпекского уезда и южного берега Иссык-Куля Пржевальского уезда в половине октября, под давлением военных отрядов, бежали через перевалы в Кашгар, а кара-киргизы северного берега Иссык-Куля и киргизы рода Атбан Нарынкольско-Чарынского участка направились по Текесу в Кульджинский район.

Перечисленными районами ограничились главнейшие киргизские беспорядки в области: остальное население во всех уездах осталось совершенно лояльным и выполняло беспрекословно все требования администрации: давало лошадей и юрты для нужд армии и проч. Необходимо еще упомянуть, что часть населения бунтующих волостей, терроризируемая вожаками, бежала в Прибалхашские степи, где на границе области начались грабежи аулиеатинских киргиз, но посланный отряд Полторацкого быстро усмирив грабителей.

Копальский уезд остался наружно спокойным, хотя и имелись сведения, что киргизы решили оказать сопротивление набору рабочих, и только в Лепсинском уезде, на уроч. Маканчи, 10—13 сентября, около Саратовских хуторов, возникло волнение среди призываемых киргиз, которое подавлено было силой с приходом военных отрядов из Лепсинска и Копала, действовавших под руководством помощника лепсинского уездного начальника Маслова. Убитых и раненых нет, а ограбленный у крестьян в начале беспорядков скот был затем возвращен.

О числе убитых
и раненых при
беспорядках.

Жертвой мятежа явилось по преимуществу русское население Пржевальского уезда, в других же уездах пострадавших сравнительно мало; убитых должностных лиц туземной администрации не было. К 1 ноября выяснились следующие жертвы по области: воинских чинов убито: 3 офицера и 52 нижних чинов; раненых 41, пропавших без вести 75, всего выбыло 171 человек. Кроме того, убито 2 чина администрации, 12 чинов разных ведомств и 2.025 человек русского населения; без вести пропало 1.088 человек. Розыск производится. Всего по области убито 2.094 челов., ранено 41 ниж. чин., и пропало без вести 1.163.

Число раненых среди населения не приводилось в известность, так как помощь оказывали в большинстве случаев фельдшера весьма спешно, поэтому они не могли вести регистрацию.

Подробные сведения о пострадавших по уездам приводятся в прилагаемой ведомости.

О причинах, вызвавших движение.

Главнейшими причинами недовольства киргиз, приведшими к открытому возмущению, надо считать: 1) изъятие за последние 10 лет в государственный фонд около 2 миллионов десятин, иногда с значительными смещениями хозяйств, и — как следствие отсюда — земельное стеснение киргиз и сокращение перекочевков, особенно с изъятием в казну огромных лесных площадей, куда киргизы стали допускаться только на особые площади по билетам; форсированное водворение и устройство до 40 тысяч самовольцев крестьян, поселившихся на лучших землях Пишпека и Пржевальска в первые годы деятельности семиреченской партии, повлекло значительный экономический ущерб для многих хозяйств киргиз в этих уездах и вызвало неприязненное отношение к крестьянам. 2) Пропаганда, проникавшая из соседнего Китая (Кульджа, Кашгар), где имеются германские агенты, действующие через дунган и китайцев, в большом числе приезжавших на Каркару и в Пржевальск. Найдены указания на причастность к беспорядкам в Семиречье китайских анархистов партии «Геляо», имевших связь с немецкими агентами. 3) В области оставалось очень мало войск для охраны огромной территории. Кроме того, русское население области было значительно ослаблено мобилизацией всего наиболее деятельного и молодого мужского элемента: домохозяевами в большинстве случаев остались женщины и старики. Имевшиеся запасы оружия и патронов также вывезены из области. 4) Непосредственная же причина недовольства — призыв рабочих; киргизы поняли это как набор в солдаты для участия в войне. Разъяснениям не верили. Всякие материальные жертвы для войны киргизы несли безропотно, но растерялись от неожиданного призыва, и многие бежали в Китай. При составлении списков и приговоров некоторые влиятельные лица и манапы¹⁴⁾ допускали злоупотребления, подкупы, вымогательства и проч., что, ко-

нечно, также отражалось на настроении массы. При малочисленности администрации искоренить это зло невозможно.

О настроении
туземных масс
во время бес-
порядков.

Воспользовавшись смутным тревожным настроением киргизской массы, некоторые влиятельные киргизы, решив, под влиянием пропаганды, что Россия ослаблена войной, что в Семиречье нет охраны и что наступил удобный момент уничтожить русскую власть для создания киргизского ханства, выступили руководителями восстания. К счастью, не все население бунтующих волостей было враждебно настроено: среди них не было согласия: обычные партийные споры продолжались. Активный элемент часто силою принуждал колеблющихся примыкать к восстанию. Необходимо отметить, что степные киргизы обходились мягче со своими жертвами, тогда как кара-киргизы и особенно дунгане проявили к беззащитным русским поразительную жестокость, подвергая мучениям, прежде чем убить, выкалывали глаза, отрезали уши, груди и проч., детей разрывали на части. Но когда они встречали силу и видели опасность, то убегали, бросая имущество.

Брожение и выжидательное положение и в мирных волостях все время продолжалось до прихода войск, когда туземцы начали успокаиваться, возобновились полевые работы, торговые и хозяйственные сношения киргиз с русскими.

О мерах, последо-
вательно и
разновременно
принятых к по-
давлению бес-
порядков и к
успокоению на-
селения.

Было уже указано, что еще с июля месяца имеющиеся войска были распределены по намеченному плану на случай беспорядков. При получении сведений о нападениях шаек были немедленно приняты следующие меры: призвано на службу ополчение Семиреченского казачьего войска, запряжены были два старых орудия, случайно сохранившихся в артиллерийском складе, использованы все нестроевые команды. Войска были пополнены добровольцами из горожан и отпускных нижних чинов, для вооружения которых были использованы все войсковые запасы оружия и патронов, а также реквизированы охотничьи ружья в магазинах.

Вообще, основною задачею при подавлении киргизских беспорядков была поставлена охрана жизни и имущества русского населения области. В этих видах все способное носить оружие русское население было организовано в городах порядком, как это было уже выше указано, а в деревнях крестьяне, вооруженные имевшимся огнестрельным и холодным оружием, считая в том числе и топоры, были сведены в десятки, сотни и дружины, начальствующие лица в которых были выбраны самим населением. Часть дружин была посажена на лошадей.

Во всех городах и селениях была организована ближняя и дальняя охрана как днем, так и ночью, дабы не допустить возможности внезапных нападений. Города и села, насколько возможно, были укреплены.

Пришедшие в область войска направлялись для подавления беспорядков по заранее выработанному плану.

Среди туземного населения были распространены особые воззвания, приглашающие мирных киргиз возвратиться на свои стойбища, а бунтовщиков призывали к покорности с требованием выдать главарей и зачинщиков беспорядков.

О настроении
туземных масс
в настоящее
время.

К началу сентября во всех уездах области, за исключением Пржевальского и южных частей Джаркентского и Пишпекского, наступило заметное успокоение: началась уборка полей, а в частности Копальский уезд начал мобилизационную поставку лошадей для армии, которая протекала успешно.

Пржевальские и загорные пишпекские кара-киргизы, а также киргизы рода «Атбан» Джаркентского уезда, не покорялись, при чем кара-киргизы продолжали оказывать упорное сопротивление посланным против них, как со стороны Пишпека, так и со стороны Андижана и Нарына, войсковым отрядам. Атбаны и 8 волостей Пржевальского уезда, из района северного берега озера Иссык-Куля и окрестностей города Пржевальска, под натиском войск отошли и сгруппировали мятежные скопища в долинах Каркары и Текеса, вплоть до китайской границы, очевидно, намереваясь, в случае окончательной неудачи, уйти в Китай, куда они ушли в октябре; мятежные же банды районов Сонкуля и Сыртов, получив тогда же сильные удары от войск на Джумголе, Кочкорке и Улахоле, устремились в Китай, куда заблаговременно были ими отправлены семьи и скот. Негостеприимно встреченные в китайских пределах, кара-киргизы скоро прислали своих представителей в Нарын с изъявлением покорности и с просьбой разрешить вернуться в наши пределы. Такое разрешение было дано с непременным условием вернуть всех пленных, выдать оружие и главарей и поставить для нужд армии по 200 хороших лошадей от волости.

Из остатков мятежных волостей, вернувшихся из Китая, а также остатков волостей, удерживавшихся на своих кочевьях в Нарынском районе, к 1 ноября было образовано 17 волостей, общих числом до 17 тысяч кибиток.

По донесениям уездных начальников, настроение смирившихся волостей в высшей степени угнетенное, так как они, сознавая свою виновность, боятся мести русского населения и, кроме того, лишившись стад и имущества во время бегства в Китай, они разорились и во всем терпят большую нужду. Потребованные поставки рабочих, затем лошадей и юрт исполняются ими исправно.

Мирное же киргизское население, успевшее во-время убрать свой хлеб и сено, держит себя вполне лояльно и оказывает значительную помощь при обнаружении руководителей бывшего мятежа.

В настоящее время можно считать, что начинают восстанавливаться торговые и хозяйственные сношения русского и киргизского населения во всех уездах, кроме Пржевальского, где хотя и появля-

ются на указанные места значительные группы киргиз, но взаимного доверия у населения нет. Взаимное озлобление, подозрительность и недоверие еще долго будут служить серьезным препятствием к установлению мирных добрососедских отношений, что, несомненно, весьма серьезно отражается на торговле, хозяйстве и на общем экономическом укладе жестоко пострадавшего района.

ПРИМЕЧАНИЯ.

¹⁾ Первые три документа взяты из архива м-ва вн. д. (б. III отдел. юрид. секции) — 8-го делопроизводства земского отдела м. в. д. 1916 г. № 129.

²⁾ Кулманов, Бахти Гирей Ахметович, р. 1858 г., чл. Госуд. Думы I и II созыва от киргиз внутренней орды, примыкал в Думе к мусульманской фракции.

³⁾ Ольден — сокращ. телеграфное наименование управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского.

⁴⁾ Протокол частного совещания киргиз 7 авг. 1916 г. и памятная записка о киргизах от половины сент. 1916 г. — печатаются с копий, полученных от казак-киргизских деятелей на месте.

⁵⁾ Букейханов-Алихан, член I Госуд. Думы от Семишлат. обл., сотрудник газеты «Казак» с 1912 г., комиссар Временного Правительства в Тургайской обл. — в 1917 г., председатель временного киргизского правительства «Алаш орды» в 1917—1918 г.г.

⁶⁾ Бий — у казак-киргиз народный судья и вообще влиятельный человек.

⁷⁾ Волостные управители и аульные старшины — выборные туземные власти по степному положению 25 марта 1891 г.

⁸⁾ Аксакалы — в старину почетные старики, пользовавшиеся влиянием и уважением среди казак-киргизов по своему возрасту.

⁹⁾ 87-я статья основных законов гласила: «во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, совет министров представляет о ней государю императору непосредственно».

¹⁰⁾ Черняев Михаил Григорьевич (1828 — 98 г.г.), ген., участник крым. и кавказ. войн; в 1865 г. взял г. Ташкент; в 1882—1884 г.г. — туркестанский ген.-губ.

¹¹⁾ Кауфман 1-й Константин Петрович, ген. (1818—1882 г.г.), участник войны 1853—1856 г.г., завоеватель Туркестана и первый туркестанский генерал-губернатор (с 1867 г.).

¹²⁾ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882 г.г.), боевой генерал, участник хивинской и кокандской экспедиций (1873—1876 г.г.), турецкой войны 1877 — 1878 г.г., завоеватель Туркмении (1881 г.).

¹³⁾ Донесение семиреченского военного губернатора ген. Фольбаума о «беспорядках» в области, представленное им туркестанскому ген.-губ. г.-ад. А. Н. Куропаткину в конце 1916 г. и сохранившееся в архивохранилище на пл. Декабристов (б. I отд. эконом. секции) в копии с копии; взято из разрозненных, неспитых бумаг переселенческого управления за 1916 г.

¹⁴⁾ Манашы — это остатки института родового руководства, выродившиеся в ростовщиков и эксплуататоров трудящихся кара-киргиз.

4926
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАРХИВ СССР и РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(СЕМЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ)

1936

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1936

и генералов, поставила у власти трудовые элементы, сплотившиеся в своей борьбе вокруг рабочего класса. Свержение режима казачьих генералов является лишь началом победы революционного союза рабочих, беднейших крестьян и трудового казачества. Для полного торжества советского правительства необходимо победоносно закончить разрастающуюся на Дону борьбу с кулацкими элементами казачества. Главной задачей рабоче-крестьянского правительства в данный момент является создание революционно-советской армии и привлечение всех сил к борьбе с хозяйственной разрухой. Советская власть должна быть готова к тому, что империализм всех стран не остановится перед новым нападением на нее, и ни одна минута не должна пропасть даром.

Съезд заявляет перед всем миром, что, признавая Брестский мирный договор, трудовое казачество, крестьяне и рабочие не останавливаются ни перед чем для защиты границ РСФСР, Донской республики, и все, как один, с оружием в руках встанут в случае вторжения в пределы Донской республики чужеземных войск. Необходимо в данный момент напряжение всех сил и всей энергии. Необходима самая

энергичная работа в налаживании народного хозяйства и в созидании на развалинах капиталистического строя новой социалистической России. Съезд уверен, что нынешнее затишье на арене борьбы пролетариата с мировым капиталом есть затишье перед бурей, что недалек уж тот момент, когда на помощь пролетариату России придет трудящиеся всего мира. Съезд приветствует грядущую победоносную мировую социалистическую революцию.

За резолюцию 348, против 106, воздержавшихся 42.

Резолюции голосовались в порядке поступления со следующими результатами:

За резолюцию левых с.-р. голосует 126	
Против	336
Воздерживается	41
За резолюцию большевиков голосует	348
Против	106
Воздержавшихся	42
За резолюцию меньшевиков ¹ голосует	2
Против	все
Воздерживается	6

Председатель объявляет, что принята резолюция большевиков.

Губернатор в роли проповедника корана

Позорная история российского самодержавия, его кровавая, грабительская политика угнетения народов, населявших Россию, широко отражена в документах, хранящихся в наших архивах.

Публикуемый нами документ показывает, как в грозные минуты народного восстания представители правящих классов использовали для борьбы с восстанием все средства, как царские генералы вопреки своим убеждениям становились проповедниками других религий для того, чтобы добиться осуществления своих реакционных целей.

В 1916 г. военный губернатор Ферганской области генерал-лейтенант Гишпиус выступил с кораном в руках, в качестве проповедника ислама.

С другой стороны, этот документ разоблачает политику местного духовенства — мулл, которые охотно заключили союз с губернатором, чтобы обмануть трудящиеся массы узбеков и вместе с тем избавить себя от мобилизации.

В середине второго года империалистической войны царской армии срочно потребовалось на тыловые работы один миллион человек. Царизм решил использовать людские резервы корен-

ного населения своих средне-азиатских колоний. К тому времени царизм успел выколлотить на военные нужды из Средней Азии (не считая денежных поборов) десятки тысяч лошадей и верблюдов, сотни тысяч баранов, десятки тысяч квадратных аршин войлока, тысячи юрт; был вывезен весь хлопок, шерсть и кожа. Все это делалось при одновременном резком сокращении ввоза в край самых необходимых продуктов. К всему этому в первых числах июля 1916 г. по всей Средней Азии было объявлено знаменитое, так называемое, «высочайшее повеление от 25 июня о реквизиции инородцев на тыловые работы в действующую армию». Коренное население края востало против царского империализма, уничтожая свою и русскую местную власть и чиновников.

9 июля 1916 г. началось восстание в Фергане. Ферганский губернатор Гишпиус отдал приказ о расстреле

¹ При оглашении меньшевиком Гросманом своей резолюции в зале поднялся невероятный шум и протесты с требованиями немедленного удаления Гросмана из зала заседания. Под крики: «долгой», «вон», «сволочь», Гросман покидает зал.

восставшего народа и потребовал дополнительного ввода войск. Но временно исполнявший должность туркестанского губернатора — генерал Ерофеев предложил ферганскому губернатору обходиться своими силами, так как восстание охватывало уже весь край, и войск не хватало. Тогда Гиппиус объявил набор добровольцев. Объявления об этом, отпечатанные на узбекском и русском языках, во многих тысячах экземпляров были разосланы по области. По этой причине восстание в Фергане пошло на убыль. Ободренный этим, генерал Гиппиус стал самостоятельно обещать города области и уговаривать коренное население записываться добровольцами. В результате почти месячной работы записались всего лишь несколько сотен добровольцев, а от области надо было срочно выставить 50 тысяч рабочих. Тогда Гиппиус поговору с муллами решился на необычайные для губернатора приемы агитации среди возбужденного населения Ферганы.

«Надев на себя сартовский¹ халат, — доносит начальник туркестанского охранного отделения директору департамента полиции, — и тюбетейку, его превосходительство самолично изволил что-то читать собравшимся сартам из корана, который затем поцеловал. В качестве зрителей присутствовало немало русских, которые были этим удивлены и с негодованием ушли с места произнесения речи»².

Вскоре после этого в газетах появились корреспонденции о том, как в Намангане ферганский губернатор собрал население в местную джаминечеть, явился туда сам, одетый в бабу, с чалмой на голове и с посохом в руке. Генерал Гиппиус в это время уже был в Петрограде, где высшие инстанции потребовали от него объяснения поведения в Фергане.

Ниже приводится объяснительная записка генерала Гиппиуса по существу о том, как изрядно струсивший губернатор стал проповедником ислама и как муллы охотно пошли на явное оскорбление иноверцев корана в надежде на освобождение себя от мобилизации.

П. Русин.

Военный губернатор Ферганской области Гиппиус министру внутренних дел³

Мной составлена записка о мотивах моего поведения 23 июля с. г. в г. Намангане, в мечети джами, — собственно для начальника главного штаба.

В виду того, что в означенной записке мне пришлось упомянуть ваше имя, считаю своим долгом представить при сем один экземпляр также и вашему высокопревосходительству.

А. Гиппиус.

Записка военного губернатора Ферганской области Гиппиуса

Беспорядки по поводу набора рабочих происходили почти во всех городах и разных селениях Ферганской области и в промежутки от 9 июля до 17 июля и прекратились лишь с 18 июля, со дня рассылки мной моего 2 воззвания к туземному населению. Для оказания своего нравственного воздействия на туземное население я, по собственному почину, разезжал по всем городам Ферганской области в промежутке от 11 до 26 июля, после чего был вызван в Ташкент и с тех пор больше не возвращался в Ферганскую область.

Вскоре же после первых беспорядков стало ясно, что дело грозит перекинуться на почву религиозную, так как во время моих разездов мне неоднократно докладывали, что туземцы ссылаются на коран, якобы не допускающий им давать рабочих для нужд русской армии. Ранее нежели начать вести свои беседы с населением, я неоднократно пытался, во всех городах, беседовать с лицами ученого мусульманского сословия, с муллами, мудариссами, агиями, муфтиями и просил их разъяснить населению, что в коране нет таких запретительных постановлений и не может быть, потому что коран написан за тысячу лет до начала нынешней войны; я просил их перевести населению те места корана, где говорится про необходимость подчинения властям; ведь ключи к разъяснению того, что написано в коране, находятся у них, только у ученого сословия, которое знакомо со священным языком корана, и сведения о том, что собственно написано в коране, может проникать в население только через мусульманских ученых. Я отлично понимал, что в такой моей просьбе заключался укор, ибо никто иной, как сами же гг. муллы, открыли собою серию беспорядков в Ферганской области, вышедши 9 июля в Андижане из мечети джами толпой с протестом против набора рабочих; толпа выросла от присоединения других туземцев, в результате чего были вызваны войска и оказалось, кажется, 11 человек раненых. Сам уездный начальник, полковник Бржезинский, едва выбрался из толпы; его акиажд был окружен и дрожал от наседания бунтарей.

¹ Так в подлиннике.

² Д. П., IV, д. № 130, ч. I, т. II, л. 44.

³ Д. П., IV, № 139, ч. I, т. IV, лл. 19—23.

В своих разговорах с этими господами я все время чувствовал упорное с их стороны сопротивление и понятно почему: ведь ни закон о реквизиции 3 августа 1914 года, ни телеграмма министра внутренних дел от 9 июня 1916 года не упоминали про какие-либо изъятия или льготы для мулл, а муллы как раз подходят, все — сплошь, под объявленный призывной возраст от 19 до 31 года, к физической же работе чернорабочих они не только не приехали (да и не годятся), но смотрят на нее с презрением.

В ответ мне эти ученые мусульмане или молчали, или говорили, что никак не могут исполнить моей просьбы по следующим причинам; мусульманский закон запрещает объяснять или разъяснять населению коран, его можно только читать, но так как коран написан на арабском языке, которого население совсем не понимает, то читать выборки из корана нет смысла, — население все равно ничего не поймет; переводить же коран на туземный язык также запрещается мусульманским законом.

Такой ответ был безусловно верен; однако для меня, как губернатора, было по тогдашним условиям и обстоятельствам весьма важно, в интересах охранения общественного порядка, в интересах правительственных и государственных, пробить столь несокрушимое средостение между администрацией и управляемым туземным населением. Если бы гг. ученые мусульманам было выгодно пробывать в июле сего года означенное средостение, то, я думаю, они отлично сумели бы справиться с задачей, несмотря на все мусульманские законы, но им самим это было невыгодно, и, по всей вероятности, сами же они и распускали или поддерживали такие слухи; во всяком случае им было выгоднее молчать, а никак не разъяснять.

Убедившись после 10-дневных разговоров с учеными и мусульманами, что дело не подвигается вперед, я, наконец, им заявил, что если мусульманский закон запрещает мусульманским ученым разъяснять коран населению и переводить его тексты на туземный язык, то я обойдусь и без мулл, а как знающий арабский язык, все сам один устрою и скажу населению, что в коране нет указаний против нынешнего набора рабочих, и прочту те места корана, где говорится про подчинение властям. Поэтому я просил (это было, кажется, в Коканде) этих ученых господ оказать мне только следующее содействие: через два дня, 23 июля, приготовить мне в Намангане несколько изданий корана, так чтобы я мог выбрать привычный мне шрифт и за-

ложить страницы, где говорится про необходимость подчинения властям.

К приятному своему изумлению, я встретил полнейшую охоту гг. ученых все, как я приказал, в точности исполнить и, действительно, 23 июля, когда я прибыл в Наманган, все было исполнено: на дворе мечети была собрана тысячная толпа туземцев, для меня приготовили удобное место на паперти мечети, возвышающейся над слушателями, а позади моего места, более в глубь мечети, ближе к молитвенной комнате, был поставлен большой стол, а на нем лежало несколько книг разных форматов.

Сказав слушателям вступление, я заявил, что сейчас я прочту подходящие места корана и переведу эти места с арабского языка на обыкновенный язык, понятный слушателям-туземцам; но так как они арабского языка не знают и могут подумать, что и я его не знаю, то я сначала прочту им первую молитву корана, которую всякий мусульманин знает наизусть, а потом прочту и места про подчинение властям.

Я встал с своего места, подошел к столу, на котором были разложены разные издания корана, стал выбирать знакомый мне шрифт и тут же увидел на столе сложенный халат, а на халате чалму. Я не придал этому никакого значения и сначала не понял, к чему тут на столе халат и чалма. Выбрал себе коран и хотел вернуться к своему месту. В этот самый момент один туземец взял со стола халат с чалмой, а другой туземец, с умным и интеллигентным лицом, стал рядом и, обращаясь ко мне, сказал только одно слово: «так-сыр» (в переводе: «господин»), рукой указывает мне на коран, а глазами на крышу мечети. Тут только я вспомнил, что коран нельзя публично читать без чалмы и халата, но вместе с тем понял и западно, какую приуготовили мне господа хитрые муллы, замыслившие поразить меня неожиданностью, конечно, в расчете, что не наденет же на себя военный губернатор чалмы и халата, а, следовательно, не придется ему и корана читать. Это было очень умно задумано и исполнено, и я сразу несколько смутился, но из положения на глазах тысячной толпы, уездного начальника, чинов судебного ведомства и других чиновников надо было моментально найти правильный выход.

Что случилось бы, если бы я, остановившись перед внезапным препятствием, отказался от чтения? Мог последовать общий смех: не суйся, мол, г. губернатор, не в свое дело. А что случилось бы, если бы я просто от-

верг чалму и халат и стал бы в мечети читать коран в своем форменном одеянии? Я рисковал возбудить против себя всю¹ толпу (быть может уже заранее подстроенную в этом смысле), а в лучшем случае не произвести впечатления: после моего ухода те же восточные политики-муллы могли бы, смеясь, распространять слухи: да, мы ему нарочно подсунули ненастоящий коран, отлично зная, что не наденет же он чалмы, а в настоящем-то коране и сказано, чтобы не давать для русской армии рабочих.

Уже впоследствии 10 сентября, когда я был у министра внутренних дел и все это рассказывал, А. А. Хвостов выразил мысль, что можно бы, разве, еще предложить одному из мулл прочесть коран. Однако, в действительности это было собственно мне невозможно сделать по следующей причине. Я привык читать коран, но не привык слушать его в чужом чтении, к тому же у всякого свое произношение. Я обучался арабскому языку у подлинного араба, у профессора Нофала, в Петрограде и усвоил себе его произношение, а ферганские муллы читают коран с различным произношением, то бухарским, то ферганским и так же, как и я, умеют только читать и понимать читаемое, но никто из них не владеет разговорным арабским языком, и, следовательно, не выработалось общего произношения, понятного каждому при устном чтении. Если бы я поручил читать коран первому попавшемуся мулле, то я, вероятно, не понял бы того, что он читает, а, следовательно, не мог бы перевести. Значит, я должен был все же, сам заглядывать в книгу, — заглянуть же без чалмы опять нельзя, — а если бы мулла с намерением пропустил именно нужные мне места, то мне пришлось бы вступать с ним в препирательство. Все это крайне неудобно на глазах тысячной толпы, и впечатление было бы испорчено, мне же важно было не само по себе чтение, а именно впечатление на слушателей.

Я вышел из трудного положения сразу же, не задумываясь и без малейшего видимого замешательства, и даже предупреждая еще и другой мусульманский обычай, сказал очень спокойно, как дело мне известное и понятное: «хорошо, надену чалму, накиньте мне халат; я привык читать коран; очень люблю эту вашу священную книгу и,

будь я мусульманином, даже поцеловал бы ваш коран и приложил бы ко лбу раньше, нежели начать читать». Затем я сел на свое место и спокойно провел всю свою программу. Окончив чтение корана, я снял чалму и надел фуражку, а сзади скинули с меня халат. Все вышло очень спокойно и серьезно, царяла мертвая тишина, а некоторые старики даже плакали от умиления.

Общее настроение было превосходное.

Гг. ученым муллам я не дал себя провести.

Остается добавить, что с толпой говорил не я непосредственно, а говорил, громким голосом, только мой переводчик; я только следил за правильностью перевода; переводчику же я говорил не повышая голоса.

Я поставил мусульманскую ученую братию в положение такое, что потом они сами стали привирать для оправдания своего провала в столкновении со мной. Я сужу об этом по корреспонденции в московскую мусульманскую газету «Союз». Самой корреспонденции этой я не читал, а сужу о ней по предлагаемой у сего вырезки из петроградской газеты «Современное слово» от 17 августа с. г., № 4086. Там утверждается, будто я вышел с посохом в руках (на самом деле я был в Наманганской мечети без оружия, а с тросточкой), явился с чалмой и халатом и т. д. Этим враньем муллы, вероятно, желали себя как-нибудь оправдать в том, что допустили публичное чтение корана губернатором, да еще допустили перевод корана на туземный язык. Однако, и при всем таком вранье, в корреспонденции удостоверено хорошее впечатление от моей речи и моих действий; а мне только это и надо было.

Впоследствии я узнал, что на меня был подан доклад 22 августа я прочел в Ташкенте донесение товарища прокурора Скобелевского окружного суда г. Фенкеля. Он, вероятно, по своей неопытности, совершенной неподготовленности к службе на окраине, незнакомому туземному языку, ничего не понял из того, что происходило у него на глазах; и все представил в превратном виде. 23 августа за № 164 я представил туркестанскому генерал-губернатору свои объяснения собственно по пунктам донесения г. Фенкеля, а копию означенного № 164 вручил 6 сентября начальнику главного штаба, которому тогда же на словах доложил и мотивы своих действий, так, как они выше изложены.

Генерал-лейтенант А. Гиппиус.

¹ Всего за десять дней до 23 июля пришлось в том же Намангане и близости той же мечети усмирять туземцев пулеметами; были убитые и ранены, кажется, до 36 человек (Прим. в подлиннике).